

История о запретной любви двух мужчин, об их сопротивлении в самый последний миг и о трагической решимости — это предание, что сквозь смену эпох и бег времени звучит день за днём, год за годом...

В те огненные годы, когда Китай охватило пламя сопротивления японским захватчикам, майор сухопутных войск Лу Вэньхао, уволенный со службы из-за ранения, на пароходе возвращался в родную провинцию Сычуань. Там он встретил Сун Шаояня — человека, который на первый взгляд казался лишь праздным гулякой. Череду случайных встреч сблизила их, превратив взаимное непонимание в глубокое знание друг друга, и чувства, сами того не ведая, тихо и незаметно вошли в их сердца. Над Чунцином, объявленным временной столицей, японская авиация раз за разом сеяла смерть и ужас. Под влиянием стойкости и твёрдых принципов Лу Вэньхао, Сун Шаоянь, выпускник американской военной академии Вирджинии, решительно встал в ряды защитников родины. Но какие суровые испытания ждут эту драгоценную любовь в эпоху хаоса и перемен?

Глава 1

Это было утро поздней осени.

Солнце не спешило подниматься, и пристань в Ичане была окутана редким в этих краях серым, густым туманом.

Говорят, здесь оживленное движение, но на самом деле суда лишь уходили, а не прибывали: все они плыли против течения на запад, в сторону горного города Чунцин, который стал последним оплотом страны.

Едва пароход Миньшэн бросил якорь, толпа на берегу пришла в движение, стремясь прорваться к борту. В охватившей всех суматохе и давке несколько крепких молодых парней, не боясь ледяной воды, с размаху прыгали в Янцзы и изо всех сил плыли к пароходу.

Это было невероятно опасно, но люди, измученные войной, бежавшие из дома и хлебнувшие горя, страха и голода, уже не думали ни о чем, кроме выживания — другие чувства в них словно онемели.

Миньшэн, уже переполненный заводским оборудованием и беженцами, изначально не планировал брать новых пассажиров в Ичане, но, глядя на людей, отчаянно борющихся с волнами, капитан все же отдал приказ поднять их на борт.

Увидев, что тех, кто прыгнул в воду, спасли, толпа на пристани пришла в еще большее неистовство. Люди начали с остервенением толкать друг друга, наперегонки бросаясь в реку.

Капитан поспешно скомандовал поднять якорь и отправляться в путь.

Пароход и без того был перегружен, а впереди их ждали бурные потоки и опасные пороги ущелий — одно неверное движение могло привести к катастрофе. О коварстве Цюйтана и Балина знали даже самые опытные штурвалы, десятилетиями водившие суда по Янцзы, и никто из них не смел терять бдительность.

В нынешнее время каждое судно на реке несло на себе тяжелейший груз ответственности за

спасение жизней, поэтому, каким бы добрым ни был капитан в мирное время, сейчас он был вынужден — и обязан — проявлять жестокость, чтобы не погубить всех ради немногих.

Лу Вэньхао, прислонившись к перилам на третьей палубе, безжизненным взглядом наблюдал за происходящим внизу.

За время пути он уже насмотрелся на сцены бегства. Глядя на людей, у которых не было места, чтобы приткнуться, и они висели, вцепившись руками в наклонные перила, и на тех, кто в отчаянии кричал с берега, не сумев попасть на судно, он, кроме бессилия и скорби, ничем не мог им помочь.

Невыразимое чувство беспомощности и гнева заставляло его сердце, казавшееся снаружи спокойным, словно замершее озеро, бурлить от внутренних потоков. Он сам не заметил, как сжал перила так, что костяшки пальцев побелели.

Позади слышались торопливые шаги. Даже не оборачиваясь, Лу Вэньхао знал: это Чжэн Юн, непутевый слуга, проснувшись и не найдя его на месте, бросился на поиски.

И действительно, за спиной раздался взволнованный голос Чжэн Юна: Третий молодой господин, если хотите любоваться пейзажами, предупредите меня, пожалуйста! Я проснулся, потянулся к ледяной кровати, а вас нет — чуть со страху не поседел!

С этими словами он накинул на плечи Вэньхао легкую стеганую куртку, которую в Сычуани называли эр-ма-цзюй.

Чжэн Юн не унимался: Доктор Дун сказал: хоть рана на плече и затянулась, проявлять беспечность нельзя, особенно в такую сырую погоду, иначе потом мучиться всю жизнь... А вы в такое морозное утро бегаєте где попало! Если Старая госпожа узнает...

Если она узнает, то лишь потому, что ты настучал, — Вэньхао не выдержал его причитаний и зашагал в другую сторону.

Когда они только сели на корабль, у него была каюта первого класса, двухместная, но сейчас там ютились шестеро взрослых и трое детей, а им с Чжэн Юном пришлось ночевать в коридоре.

А что поделать? Не говоря уже о детях, из тех шестерых взрослых пятеро были женщинами, да еще старик за шестьдесят. Не то что он: хоть и получил пулю, но все же был крепким молодым парнем — стиснув зубы, перетерпит.

Миньшэн уже отошел от пристани Ичана, и черная масса людей на берегу начала медленно растворяться вдали.

Бескрайний белый туман постепенно рассеивался, и робкое солнце наконец решилось показаться в вышине, принеся хоть немного тепла в этот холодный сезон.

Глядя вдаль, он видел, как серые горные скалы громоздились одна на другую — крутые и опасные. В расщелинах изредка пробивалась дикая трава. Хоть она и не была сильной, но сама способность этой зелени пробиваться к жизни в такую леденящую пору уже казалась чудом.

Внизу бирюзовая река отражала солнечные блики, и легкие волны тихо плескались о борт. Если бы не смутное время, такой вид мог бы влюбить в себя любого.

Тоска вновь кольнула сердце, и Вэньхао негромко процитировал: Облачный парус ушел вдаль, не встретившись, в сумерках Янцзы течет в пустоте... Перед отплытием пришло известие: Гуанчжоу пал, войска направлены в шестой военный округ ждать приказов. В такой критический момент он не мог сражаться плечом к плечу с товарищами, а вместо этого, словно трусливая черепаха, возвращался в родные края под охраной слуги.

Всё, что он видел по пути — разруха и страдания народа — было для него пыткой.

Взглянув на небо, он вспомнил древнюю мудрость о том, что Фэн Тану трудно состариться, а Ли Гуану — получить награду. Может, те двое тоже, как и он, имели полное сердце амбиций, но не могли послужить родине?

Увы, что толку думать? Его левая рука с трудом могла даже нажать на курок.

Оставалось лишь надеяться, что те, кто сражается на юге, одержат больше побед и уничтожат больше врагов.

После долгих остановок Миньшэн наконец достиг уезда Юньян в Сычуани.

Молодой господин, говорят, прямо вверх по каменным ступеням пристани находится храм Чжан Фэя. Может, сходим поклонимся? — с энтузиазмом предложил Чжэн Юн.

Вэньхао покачал головой: Иди сам, если хочешь. Главное — услышишь гудок, не забудь вернуться.

Чжэн Юн тут же в приподнятом настроении убежал в храм.

После входа в Сычуань, когда путь стал относительно безопасным, часть людей сошла на берег, а число желающих подняться на борт уменьшилось, и напряженная, скорбная атмосфера наконец немного разрешилась.

Увидев, что на перилах внизу больше никто не висит, Вэньхао почувствовал некоторое облегчение.

Вдруг кто-то потянул его за рукав.

Он обернулся: перед ним стояла маленькая сгорбленная старушка с седыми волосами, державшая за руку девочку лет пяти-шести.

Вэньхао спросил: Бабушка, что-то случилось?

Старуха подтолкнула девочку к нему: Добрый господин, не могли бы вы купить эту девочку? Она еще мала, но посмотрите на личико, разве не мила? Всего несколько лет кормежки, и она вырастет, а там — служанкой или наложницей, как скажете, так и будет.

Вэньхао нахмурился.

Подобное происходило по пути уже не раз. У беженцев, спасающихся бегством, не осталось ни денег, ни еды, и в конце концов нужда заставляла их продавать детей. Чаще всего первыми на

продажу шли маленькие девочки — их считали обузой, да и продать их было проще.

Вэньхао невольно оглядел бабушку и внуку. У девочки были невинные, непонимающие глаза. Сколько она могла знать об этом мире? Весь Китай был в движении, и она двигалась вместе с ним. Для нее Чунцин был лишь чужим краем на краю света.

Вынув из кармана десять серебряных монет, он протянул их старухе: Заберите ребенка назад. У меня самого не так много наличных, возьмите, хоть немного облегчите беду.

Женщина дрожащими руками приняла монеты и только собралась поблагодарить, как сбоку раздался мужской голос: Даю вам двести юаней за эту девочку, как вам?

Вэньхао с изумлением повернул голову, разглядывая, что за выскочка вмешался в разговор.

Рядом стоял высокий красивый молодой человек в безупречно сидящем черном костюме и пальто. Он стоял прямо, словно белый тополь в северной степи. На его привлекательном лице с соболиными бровями играла услужливая, легкая улыбка, но Вэньхао почувствовал: в глубине его глаз затаилось равнодушие, холодная отстраненность, которую тот старался скрыть. Впрочем, этот холод не умалял его сдержанного, аристократического облика.

В целом, он не был похож на злодея.

Господин, есть поговорка: помогать другим — основа счастья. Если вы достаточно обеспечены, могли бы просто помочь им пережить трудности, зачем же устраивать куплю-продажу и разлучать родных? — сказал Вэньхао.

Мужчина с усмешкой взглянул на него, но ничего не ответил. Вместо этого он достал из нагрудного кармана две крупные банкноты и передал их старухе.

Это было чистое пренебрежение. Вэньхао разозлился.

Эй, с виду приличный человек, почему ты занимаешься такими грязными делами? — резко бросил он.

Но мужчина, даже не обернувшись, взял девочку за руку и с высокомерным видом направился к своей каюте, громко захлопнув за собой дверь.

Оказалось, он жил как раз в соседней каюте!

Ты... — Вэньхао затрясся от гнева. Только сегодня он по-настоящему понял, что значит нельзя судить по внешности.

Страна в таком состоянии, а кто-то наживает на чужом горе! До чего же подло!

Чжэн Юн, довольный посещением храма, вернулся на корабль и издалека увидел своего молодого господина: тот стоял на палубе с посиневшим лицом и нахмуренными бровями, выглядя крайне разгневанным.

Третий молодой господин, кто-то вас обидел? Я отомщу! — он закатал рукава, решительно подходя к Вэньхао.

Вэньхао взглянул на него и вздохнул: Ты думаешь, мы всё еще на фронте? Чуть что — сразу лезешь в драку, смотри, как бы матушка У не ослепла от слез! — С этими словами он ушел с

палубы в свою каюту.

В душе он посмеивался над своей наивностью.

Один дает деньги, другой дает человека — честная сделка, свободная торговля, какое ему до этого дело?

И вправду, лезть не в свое дело — только позориться.

Хватит думать об этом.

Спустя еще день Миньшэн наконец прибыл на пристань Чаотяньмэнь в Чунцине.

Вэньхао сошел на берег и с глубоким волнением окинул взглядом родной город, в котором не был три года.

Звуки паровых гудков, смешиваясь с песнями лодочников, разносились над рекой, уходя в самое небо. Чунцин в тумане выглядел величественно и сурово.

Несколько носильщиков, переправившихся с другого берега, тащили две тяжелые корзины с ярко-красным перцем, выкрикивая ритмичные возгласы, чтобы доставить товар в лавку на улице Синьи.

Вскоре Вэньхао и Чжэн Юн нашли водителя семьи Лу, Лао Таня, который ждал их в толпе.

Они поднялись по лестнице к площади, Вэньхао погрузил вещи в машину, но вдруг заметил неподалеку на углу новенький джип марки Renault.

Чунцин с древних времен называли горным городом из-за бесконечных подъемов и склонов, поэтому автомобили здесь были редкостью, и этот джип с его необычным дизайном сразу бросался в глаза.

Пока он размышлял, владелец машины уже подошел к ней.

А, так это тот самый человек, что купил девочку!

Рядом с ним двое слуг сустились туда-сюда, а следом шла женщина средних лет, ведя за собой трех девочек лет пяти-шести.

Вэньхао тихо выругался. Похоже, этот тип скупал детей всю дорогу.

Джип вскоре скрылся в дорожной пыли.

Вэньхао пришлось сесть в свою машину и направиться к фамильному поместью Лу на горе Голэшань.

Голэшань находится в западном пригороде Чунцина, среди глубоких лесов и благоухающих

цветов. Дорога, петляющая по горе, — важная транспортная артерия, соединяющая Чэнду и Чунцин.

Хотя стояла глубокая осень, лес на Голэшани, не тронутый войной, по-прежнему оставался спокойным и прекрасным.

Когда машина проезжала мимо фермерского двора, Вэньхао вдруг услышал звонкие детские голоса: Петушок кричит, уточка кричит, каждый найдет то, что ему нужно...

Эта родная, давно забытая речь вызвала у него улыбку.

Можно было представить, как дети во дворе играют в ту же игру, в которую он сам играл в детстве.

Только те, кто пережил войну, знали, какое это редкое и драгоценное счастье — так беззаботно играть.

Пока он думал об этом, вдалеке показалась фамильная усадьба Лу.

Триста лет назад, когда предки семьи Лу вместе с великим переселением озерных областей прошли через непроходимые горы и болота, чтобы обосноваться здесь, они пустили корни на вершине этой горы.

Едва Вэньхао ступил во двор, он увидел, что его мать, услышав весть от слуг, вышла навстречу, опираясь на невестку.

В этот миг, глядя на мать с седыми волосами и сгорбленной спиной, Вэньхао почувствовал, как глаза наполнились слезами. Вся ненависть к врагу и боль от разрушенной страны отошли на второй план, в сердце осталось лишь одно: эта женщина с маленькими ножками, что дала ему жизнь.

Он подошел и опустился на колени: Мама... — его голос дрогнул, и он больше не мог произнести ни слова.

Старая госпожа протянула сухие, похожие на засохшие груши руки и нежно погладила его по лицу, словно не веря, что сын вернулся. Долго, очень долго она вглядывалась в него, а убедившись, что это действительно он, с облегчением выдохнула: Вернулся, вернулся...

Невестка мягко проговорила: Мама, младший брат проделал долгий путь, он наверняка устал. Пусть сначала переоденется и умоется, а потом поговорим, хорошо?

Вэньхао заметил, что на ней был лунно-белый ватник и белое ципао, а в волосах — белый шелковый цветок; она была без косметики.

Она все еще носила траур по второму брату.

Год назад, во время битвы за Шанхай, второй брат Вэньцзюнь погиб при защите побережья от японцев.

Тогда их ребенку было всего два года.

А старший, Вэньцзи, погиб еще шесть лет назад в битве за Жэхэ.

Если посчитать еще второго и третьего дядю, погибших в других войнах, семью Лу можно было

назвать родом героев.

Именно поэтому, когда Вэньхао лечился после ранения, штаб приказал ему уйти в отставку.

Конечно, он не хотел, но в конце концов командир сказал жестко: если ты даже ружье поднять не можешь, о какой защите страны может идти речь?

Поневоле он вернулся домой, который покинул три года назад. Глядя на родных, живущих в печали, Вэньхао понял: его выбор был вынужденным, но верным.

Раз уж он не может быть солдатом, он должен стать опорой для своей семьи.

В Сычуани есть поговорка: Девять дней холода — и старый пес замерзнет, что означало самое лютое время зимы.

В эту пору травы и деревья увяли, и лишь слива, не боясь инея и снега, цвела во всей красе.

Вэньхао сидел в кабинете, глядя на цветущую за окном сливу, и вдруг тяжело вздохнул от скуки.

Он вернулся в Чунцин два месяца назад, по утрам учился у дяди разбираться в бухгалтерских книгах, чтобы поскорее взять на себя управление аптечным делом семьи Лу, а по вечерам проводил время с матерью.

Он не жаловался на жизнь, но она действительно казалась однообразной.

Новости по радио не давали повода для оптимизма. Положение на фронте было сложным, ситуация — напряженной. Всё это жгло сердце.

Погрузившись в мысли, он взял кисть, развернул рисовую бумагу и вывел строки Лу Ю: Вспоминая, как уходил на войну, золотые барабаны сотрясали землю. В плечах нет силы для славы полководца, лишь у лампы стареет это тело.

Чернила еще не высохли, как вдруг чья-то рука выхватила лист.

Вэньхао вздрогнул, обернулся и, узнав гостя, просиял: Ли Юньтун! Ты все-таки решил навестить меня!

Это был его лучший друг со школы, Ли Юньтун.

Семья Ли была одной из богатейших на юго-западе, их торговый дом Тяньшуньсян имел филиалы по всей стране и в Юго-Восточной Азии. Дедушка Ли Юньтуна был главой торговой палаты еще в конце эпохи Цин, дядя жертвовал огромные суммы на революцию, и даже президент Сунь Ятсен собственноручно написал для них памятную табличку. Величие этого рода было неоспоримо.

Майор Лу, ты всё еще витаешь в грезах о железных конях и ледяных реках? — Ли Юньтун посмотрел на стихи и покачал головой.

Вэньхао не удержался и излил душу: Вчера ночью мне снилось, что я снова защищаю

железную дорогу Лунхай. Огромный отряд врагов, я стреляю из пулемета, один за другим они падают — было так легко. А проснулся — снова тоска.

Ха-ха, для такого настроения нужны не стихи Лу Ю, а строки Синь Цицзи: В пьяном угаре перебираю меч, во сне слышу звуки горнов в лагере.

Вэньхао сжал кулаки: Почему это был всего лишь сон! Действительно, во сне забываешь, что ты чужак, наслаждаешься мгновением, а откроешь глаза — и понимаешь: необъятные просторы страны, как трудно встретиться вновь, когда расстаешься.

Ты два месяца сидел дома и никуда не выходил?

Нет желания.

Чем тоскливее на душе, тем важнее развеяться. Пойдем, погуляем.

Вэньхао горько улынулся: Весь Чунцин — семь ли земли, есть ли там хоть одна улица, которую я не знаю? Не вижу смысла в пустых прогулках.

Ли Юньтун засмеялся и взял его за руку: Ты отстал от жизни! Площадь Дуюцзе и район Фуцзычи сейчас очень оживленные!

Он насильно вытащил Вэньхао из дома, усадил в свой Бьюик и повез к бывшему уездному управлению Ба.

Это место, полуостров в месте слияния Янцзы и Цзялинцзян, стало самым процветающим районом Чунцина. С тех пор как город стал временной столицей, улицы переименовали в Миньшэн, Миньцюань, Миньцзу — названия, исполненные духа эпохи. Бывшая захолустная пристань теперь была полна изысканных людей в дорогих одеждах.

На улице Циннянь, недалеко от переулка Чайцзя, открылся новый театр — кинотеатр Готай. Когда Ли Юньтун привез туда Вэньхао, на красной доске у входа значилось: сегодня в семь вечера новая постановка Труппы Ли — Му Гуйин принимает командование.

<http://bllate.org/book/21143/2144162>